

«Речи несмелых признаний...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

«Речи несмелых признаний...» «РЕЧИ НЕСМЕЛЫХ ПРИЗНАНИЙ...»

Речи несмелых признаний,
Тихие речи любви –
Смысл их неясен и странен,
Тайна их – тайна души.

Нет, не рассудком проникнуть
В глубь озаренной души –
Гаснут, едва лишь возникнув,
Тихие речи любви.

Вслушайся думой и сердцем,
Слушай тревогой души –
Только на миг достоверны
Тихие речи любви.

17 января 1897 г.

• Видение

В сумраке вечера ты – неподвижна
В белом священном венце.
В сумраке вечера мне непостижна
Скорбь на спокойном лице.

Двое мы. Сумрак холодный, могильный
Выдал мне только тебя.
Двое мы. Или один я, бессильный,
Медлю во мраке, скорбя?

Смотришь ты строгим и вдумчивым взором...
Это прощанье иль зов?
Смотришь ты в сердце с безгневным укором,
Словно из глуби веков.

Ты ль это? та, перед кем, как пред тайной,
Робко склонялись мечты?
Ты ль это здесь или призрак случайный:
Луч и игра темноты?

Медлю во мраке глухом и глубоком,
Не отзываюсь, скорбя...
Медлю, — ведь если ты послана Роком,
Мне не уйти от тебя!

17 января 1908 г.

• Тропическая ночь

В снежной мгле угрюмы вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий...
Та же ль ночь, в иных краях, на юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий?

Там, лучистым сферам дружно вторя,
Снизу воды белым блеском светят;
Легкой тенью режа фосфор моря,
Челны след чертой огнистой метят.

Жарким ветром с пальм уснувших веет,
Свежей дрожью с далей водных тянет...
В звездных снах душа мечтать не смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно занят.

Вот — летят, сверкнув как пламя, рыбы,
Вот — плеск весел пылью искр осыпан;
Берег — ярок, в искрах — все изгибы,
Ясный мрак игрой лучей пропитан.

В небе, в море, в сердце — всюду вспышки,
Мир — в огне не жгучем жив; воочью
Люди чудо видят... Там, в излишке
Счастья, смерть — желанна этой ночью!

Челн застыл, горя в волшебном круге;

Южный Крест царит в ряду созвездий...
Чу! вблизи глухие вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий.

17 января 1918 г.

• Смотреть в былое

Смотреть в былое, видеть все следы,
Что в сушь песка вбивали караваны
В стране без трав, без крыш и без воды,
Соженным ветром иль миражем пьяны;

Припоминать, как выл, свистя, самум,
Меня слепя, ломая грудь верблюду,
И, все в огне, визжа сквозь душный шум,
Кривлялись джинны, возникали всюду;

Воссоздавать нежданный сон, оаз,
Где веер пальм, где ключ с душой свирели
И где, во мгле, под вспышкой львиных глаз,
Проснешься, когти ощущая в теле!

Смотреть вперед и видеть вновь пески,
Вновь путь в пустыне, где желтеют кости...
Уже не кровь, года стучат в виски,
И зной и смерть слились в последнем тосте.

Но, сжав узду, упорно править ход,
Где холм не взрезан скоком туарега,
Опять, еще, где океан ревет, –
В лед волн соленых ринуться с разбега!

17 января 1921 г.

* * *

Люблю в закатном замираньи
Луча, над блестками зыбей,
На миг немое трепетанье

Пугливых, сизых голубей;

Они в предчувствии утраты
Дня, осенявшего их дрожь,
Скользят, – и вот уже трикраты
Я прошептал: «Снов не тревожь!»

Те сны! как паутинной нитью
Они над памятью давно,
Кружась, легли, и по наитью
Я сам вертел веретено.

Вот черный волос, вот багряный,
Зеленый, синий... света сны!
В клубке дыханья нитей пряны,
И ими полночи пьяны.

Но здесь, у плахи солнца! в силах
Еще я крикнуть вслух: убей!
Чтоб глубь дрожанья отразила
Пугливых сизых голубей.

17 января 1923 г. Goşgular